

Столичные танцы американской провинции

Houston ballet на сцене Большого театра

Светлана НАБОРЩИКОВА,
для «Новых Известий»

К приезду артистов из Техаса москвичей готовили долго. Устроители не скупились на восторженные эпитеты в рекламных слоганах и количество нулей в билетных ценах: за кресло в партере просили 400 долларов, а за место у люстры на галерке 400 рублей. В результате оба вечера заповес поднимался с полу-часовым опозданием. К назначенному часу партер оказывался катастрофически пуст, и лишь после того, как вниз спустились обитатели ярусов, приобретал благопристойный вид. У себя дома хьюстонцы никогда не оценивались столь высоко и, наверное, амбициям организаторов предпочли бы до отказа заполненный зал.

В Москве выступила труппа, приученная выживать (театр существует на средства спонсоров), выдерживать конкуренцию, соответствуя вкусам самой разной публики, и при этом держать лицо, не роняя марку высокого искусства. Мудрый Бен Стивенсон подобрал репертуар так, что даже человеку, далекому от балета, было ясно: танцовщики обучены всем танцевальным премудростям — от старой доброй классики и основ модерна до новейших неоклассических тенденций.

Лидерами показа стали бессюжетные сочинения молодого австралийца Стэнтона Уэлша и самого мэтра. В «Индиго» Уэлша, ироничной интерпретации Вивальди, образы менялись соответственно нерву переменчивой барочной композиции. Спокойную классику вытесняли эротические откровения, лирические абстракции уступали место бодрой аэробике. Стивенсон в двух прочтениях Рахманинова («Три прелюдии», Dusk) и «Пяти поэмах» на музыку Вагнера был более сдержан. Мечтатель и романтик погрузился в свою любимую сферу — тихую лирику.

В капиллисных адажио — наследии Макмиллана, где танцовщики берегут и холят партнершу, словно драгоценный сосуд, чувствовалась мечта о прекрасной даме, не свойственная жизнелюбивому предшественнику. Мечта не только метафорическая, но и вполне осязаемая. В труппе практически нет балерин, способных качественно преследовать эту лексику: протяженные арабески, бесконечные пиражеты, глубокие плие. Все эти несложные движения могут быть исполнены дивной красотой, если исполнители обладают достаточным ростом, стройными ногами и способностью длить линии. Плотненькие, кор-

настые девушки все делали чисто и грамотно, но фактура есть фактура: неземное очарование при таких данных безвозвратно исчезало.

В моторном, чисто американском опусе Contrary крепко сбитые улыбчивые дамы и прыгучие заводные юноши были вполне на месте. Патриарх американского модерна Пол Тейлор сопроводил эту композицию очаровательными песенками сестер Эндрю — кумиров предвоенных американских дансингов. На первый взгляд это мастерский коктейль из буги-вуги, тико-тико, фокстрогов и тустепов, усложненных фирменной тейлоровской акробатикой. Но если вслушаться в слова незамысловатых мелодий, смысл непритязательных напевов становится неизмеримо глубже: поют сестры Эндрю о бренности веселья, грядущих разлуках и неизбежных смертях военного лихолетья.

Два дуэта — адажио из «Манон» и па-де-де из «Дон Кихота» — единственные номера, заимствованные хьюстонцами из репертуара других трупп. Игривая, на грани фривольности «Манон» (Сара Уэбб и Доминик Уолли) презентовала четкую, бисерную работу ног и фиксиро-

ванные поддержки. Настоящий английский стиль.

«Дон Кихот» (Летиция Оливейра и Рэнди Эррера) выглядел намного хуже. Молодые исполнители перешагнули грань: партнерша сорвала фузе, партнер не совладал с собственным корпусом, но винить их язык не поворачивается. Привезти «Дон Кихота» в Большой, родную вотчину знаменитого балета, поступок более чем смелый. Лично мне если не просмотр, то прослушивание этого фрагмента доставило большое удовольствие. Композитор Джон Ланчберри, постоянный сотрудник Houston ballet и аранжировщик идущей в Большом «Писательной предосторожности», буквально преобразил садово-парковый опус Лео Минкуса. Саркастическая имитация уличного оркестра с кокетливым соло скрипки и повизгивающими духовыми удалась ему на славу. Хьюстонцам, для которых Ланчберри делает оркестровки Оффенбаха и Грига, Пуччини и Римского-Корсакова, можно позавидовать. В Большой бы такого остроумного мастера: цены бы не было многострадальной «Дочери фараона»...